

Н.Н. Евгенова

Из воспоминаний

В конце апреля – в первой половине мая 1938 года около 180 человек-участников высокоширотной экспедиции на ледокольных судах «Садко», «Седов» и «Малагин», - были постепенно сняты самолетами я дрейфующих в Восточно-Сибирском море судов и во второй половине мая вернулись на «большую землю».

Н.И. приехал из Иркутска поездом в Москву 20-го мая. Я его там встречала, а не, как обычно, в Ленинграде, так как не было уверенности, что он на свободе до него доедет: многих арестовали на следующий же день после их возвращения с тяжелой зимовки. Я уже не помню, кто и когда возвращался и был арестован, и кто вообще (и тогда и после) арестован не был. Весь мая я прожила в каком-то тумане. Помню, что ужасно хотелось послать телеграмму на «Садко» пока там был Н.И., чтобы он постарался остаться дрейфовать еще на год. Но я понимала, что такая телеграмма или не дойдет, или будет бесполезной.

В Москве мы пробыли два дня, остановились у Старокадомских, живших в большой квартире старинного деревянного дома на Сытниковом переулке.

Леонид Михайлович Старокадомских в это время работал над своей книгой об экспедиции Северного ледовитого океана на «Гаймыре» и «Вайгаче», в которой он вместе с Н.И. участвовал; весь вечер они обсуждали и дополняли рукопись; целиком ушел Н.И. в чудесные воспоминания, лишь изредка, видимо, прислушиваясь к звукам рояля, доносившимся из соседней комнаты, где музицировал сын Л.М. – молодой композитор Михаил Леонидович.

День мы провели у Н.Н. Зубова, который долго нас возил на своей машине по весенней Москве и ее паркам с распутившейся, молодой, еще замыленной зеленой листвой. День был тихий, ясный, солнечный.

После приезда в Ленинград Н.И. несколько дней ходил на работу, а вечером разбирался в своих рукописных материалах. Отнес на квартиру к своей матери чемодан с бумагами и картами. Я как-то предложила ему куда-нибудь уехать, но он сказал, что это невозможно и даже вредно, так как может вызвать предположение, что он чувствует за собой какую-то вину. Думаю, к тому же, что в глубине души он, как и я, не терял надежды, что минует его «чаша сия».

Как и в некоторые периоды предыдущих 30-ых годов, мы не ложились спать раньше 2-х-3-х часов, прислушиваясь к звукам проезжающих машин. В первом часу ночи на 27 мая мы услышали, как у нашего дома остановилась машина, раздался звонок. Н.И. открыл

дверь и в квартиру вошел атлетичного сложения молодой человек в форме МВД, с офицерскими нашивками, и два его помощника: один в той же форме и двумя наганами по бокам, второй – в штатском костюме. Сзади шел наш дворник, не входя в комнаты севший на табуретку в коридоре. Все, и трое чекистов и мы (Н.И., моя мать, 13-тилетняя дочка и я) молча прошли в рабочую комнату Н.И. Следователь-атлет предложил нам сесть и не выходить из комнаты. Не помню, сколько времени продолжался обыск; когда он кончился было совсем светло, но ведь это было время белых ночей. Все же мне показалось, что он был не слишком долгим, тщательным, так как ограничился одним книжным шкафом и письменным столом. Из шкафа было взято, как потом поняла, два томика Гейне на немецком языке и несколько французских и английских книг с описанием путешествий. Из письменного стола – все письма, рукописи и записные книжки. Когда всё было сложено в мешок помощник Артамонова (я потом узнала фамилию следователя) снял со столика пишущую машинку и поставил на мешок. «Это заработок жены» сказал вполголоса Н.И. Я не заметила, ответил что-нибудь Артамонов, но машинку не взяли. Не раз с благодарностью вспоминала я Артамонова, переписывая заказанные мне бумаги... У Н.И. сменилось несколько следователей; самым корректным из них был Артамонов, главным истязателем латыш Стамур. Н.И. не любил рассказывать о следствии, но если упоминал Стамура, то всегда с эпитетом «истязатель». Конечно, этот латыш был виновником искалечения бедренного сустава Н.И., очень мучившего его в последние годы жизни.

Как только нас выпустили из кабинета, я бросилась в спальную, где стояла кровать нашего 8-милетнего сына. Он не спал и трясся мелкой непрерывной дрожью... Вероятно, я совершила непростительную ошибку не потребовав, чтобы меня выпустили из кабинета во время обыска.

В ДПЗ на Шпалерной справки о нахождении арестованных давали два раза в неделю в течение, кажется, трех часов. Чтобы за эти часы успеть получить справку, приходилось с ночи занимать очередь. Так как не только очередь, но и одиноко стоящего вблизи ДПЗ человека сразу прогоняли, то очереди собирались во дворах и на лестницах ближайших домов, откуда с 9-ти утра внимательно следили за дверями справочного отдела: как только оттуда выходил человек, очередная женщина выбегала из своего укрытия и входила в двери. На лестнице отдела – окно, откуда давали справку, находилось во втором этаже, очередь не разгоняли. Канцелярская сторона дела была поставлена хорошо и обычно устный ответ на вопрос, «где находится» получали быстро; письменная справка давалась лишь при переводе в тюрьму Кресты или «Пересылку». Устный ответ был двоякий. «В ДПЗ следствие продолжается» или «Осужден на 10 лет без права переписки». Что кроется

за этими последними словами выяснилось значительно позднее; крылось же: «его нет в живых».

Справляться о ходе следствия можно было в военной прокуратуре. Там обстановка была другая: на поданные заявления с просьбой о приеме прокурором давался очередной номерок с указанием даты и часа приема. При входе в прокуратуру надо было раздеться; везде были до блеска начищенные паркетные полы, в зале ожидания – откидные кресла, на стенах – портреты в красивых рамах.

Ответ прокурора не многим отличался от справок, получаемых в ДПЗ. После недолгого перелистывания пухлого «дела» он говорил: «Ваш муж уже сознался в своих преступлениях, но следствие еще не закончено».

На возражения или просьбы разъяснения следовали слова: «Вы ошибаетесь» или «этого до суда я сказать не могу». Может, бывали и другие разговоры, но ни я, ни те жены, с кем я общалась ничего иного не слышали. Не было у нас на приеме у прокурора ни громких протестов, ни слез.

В начале осени, если не ошибаюсь (я совершенно не помню дат, в то время, как отдельные картины и эпизоды так ярко запечатлелись в моей памяти, что я могла бы их нарисовать), Н.И. был переведен в Кресты, значит следствие было закончено. В Крестах справки получать было проще, чем в ДПЗ – их давали ежедневно, а толпившуюся в наружном дворе очередь никуда не разгоняли. У меня создалось впечатление, что Кресты не были так переполнены, как ДПЗ, а между тем Н.И. впоследствии рассказывал, что в общих помещениях скапливалось по несколько сот человек, а в одиночной, 8-метровой, куда его поместили, находилось 13 человек; спали на полу, вповалку так плотно прижавшись один к другому, что переверачиваться с боку на бок можно было только всем одновременно.

В конце сентября 1938 года следствие было закончено и был назначен суд над Н.И. и его четырьмя однодельцами: П.В.Орловским, П.К.Хмызниковым, Ю.К.Петровым и Е.С.Гернетом. Вторично следствие закончилось 11.02.39 г.

О дне суда – выездной сессии военного трибунала под председательством Гаврилова – посчастливилось узнать Валентине Леонидовне Хмызниковой, жене Павла Константиновича: за два дня до суда она была на приеме у прокурора, который ей сообщил об этом.

Ясным прохладным утром 14 июня 1939 года жена Хмызникова, дочь Гернета и я (жена Орловского, арестованная одновременно с ним, еще не была в то время освобождена, у Петрова в Ленинграде родственников не было) стояли под аркой Генерального штаба, близ дверей с надписью «Военный трибунал». Когда подъехала

машина зарешетчатым окном, мы к ней быстро подошли, нас никто не отогнал. Первым с двумя конвоирами по сторонам вышел Орловский, страшно бледный, с остановившимся взглядом, создававшим впечатление, что он ничего перед собой не видит (он был очень близорук, очков, конечно, ни у кого не было). Орловского, по-видимому, больше других мучили во время следствия. Н.И. рассказывал, что после одного из допросов он вернулся с окровавленным лицом, а после другого его внесли в камеру два чекиста и бросили на пол, он был без сознания.

После Орловского также с двумя конвоирами вышел Н.И., очень похудевший, его драповое пальто висело на нем мешком. Хотя он тоже был без очков, но увидел меня и в ответ на мою улыбку попытался слабо улыбнуться. Больше я никого не видела и не помню, вышел ли из этой машины еще кто-нибудь или была еще вторая машина. Нас пустили в вестибюль, где находилось несколько человек в штатском. Кто они были: агенты или репортеры? Не знаю. Они куда-то уходили, потом возвращались и когда уже стемнело и в вестибюле зажгли лампы под матовыми колпаками один из них быстро откуда-то вышел и громко сказал: «На следствие!» После чего все ушли. А мы остались, надеясь, что арестованных вновь проведут через вестибюль. Но мы ошиблись – их увели другим ходом; вскоре потушили лампы, стоявший у двери дежурный предложил нам уйти.

Воспоминание о времени, проведенном под следствием и на суде было для Н.И., видимо, крайне тяжелым, он почти ничего о нем не рассказывал, поэтому не знаю, что вынудило Гаврилова, вряд ли отличавшегося гуманизмом, отправить дело на следствие. Только ли отказ обвиняемых от первоначальных признаний, вырванных под пытками и заявление о своей невинности?

После несостоявшегося суда Н.И. вновь оказался в ДПЗ. Вторичное там пребывание было гораздо приятнее, чем первое, оно даже казалось отдыхом от тесноты, скученности и смрада Крестов. На допрос больше не водили, позволяли читать (библиотека, сохранившаяся с дореволюционных времен была очень хорошая). Удалось познакомиться с несколькими интересными людьми: физиком Лукирским, хирургом Максимовичем... омрачали лишь доносившиеся иногда крики и стоны...

Зимой Н.И. был вызван к прокурору, передавшему ему копию приговора Постановлением особого совещания при НКВД от 29.12.1939 г. за участие в «антисоветской организации»: 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Через несколько дней Н.И. перевели в пересыльную тюрьму.

Добираться с нашей Петроградской стороны до пересыльной тюрьмы приходилось долго, но зато там раз в неделю принимали «передачу», не надо было прятаться по

дворам, как в ДПЗ для того, чтобы получить справку, что в холодное время года было очень тяжело, а перед высылкой даже разрешили свидание.

В морозный январский день мы с дочкой, неся по узлу с теплыми вещами, в последний раз подошли к воротам пересыльной тюрьмы. Свидание с Н.И. оказалось очень коротким и почти целиком ушло на отбор из вещей, принесенных нами, тех предметов, которые он счел необходимым с собой взять. Выглядел Н.И. несколько лучше, чем осень, когда я его видела у дверей военного трибунала и улыбка у него была уже не та, вымученная, а его всегдашняя бодрая и приветливая. С этой улыбкой он старался вселить в меня уверенность, что ни в коем случае не пробудет в лагерях 8 лет. «Это не может продолжаться слишком долго!»

Поручил попросить у академиков Крылова и Шокальского отзывы о его деятельности, послать по разным инстанциям просьбы о направлении его на работу по специальности приложив к просьбам копии отзывов. Поручения эти я выполнила. Не знаю, помогли ли мои просьбы или само НКВД (после того, как Берия сменил Ежова) начало разбираться в своих арестах, стараясь получить от них наибольшую просьбу, но только вскоре перед началом германской войны Н.И. из обычного лагеря, в котором он сперва работал на лесозаготовках, а после того, как поранил руку занимался плетением лаптей, во второй половине 40-ых и на конец 42 СЖДЛ был перевезен под Котлас, где происходило строительство моста и нужен был гидролог для прогнозирования ледоставов и ледоходов на реке¹.

Начальником СЖДЛ был Шемина. Н.И. с благодарностью и уважением вспоминал о нем. К этим чувствам примешивалось и некоторое удивление: как мог среди работников НКВД оказаться такой умный и справедливый человек? «Мне здорово повезло» - говорил, вспоминая Шемину.

Получив в помощники молодого уголовника, бывшего студента Технического института, отбывавшего наказание за хулиганство, Н.И. весь ушел в порученную ему работу: устройство водомерных постов, гидротехнические наблюдения. Сперва ходил по реке под конвоем, но очень скоро Шемина «расконвоировал» его с помощником и они свободно уходили вверх по реке, далеко за пределы лагеря. Первые же прогнозы на 1942 год оказались правильными, так же как и следующие и в 1943 году. Шемина выхлопотал для Н.И. «досрочное освобождение за высокие показатели в работе». Вместо 8 лет лагерей Н.И. пробыл в них 5 (плюс год предварительного заключения). В мире помимо Н.И. были и другие расконвоированные специалисты. Со многими из них Н.И. близко сошелся, вместе с ними слушал передачи Информбюро, болезненно переживая наши

¹ Автор не уверен в верности временных указателей.

неудачи на фронте и радовался, когда Красная армия перешла в контрнаступление. С некоторыми лагерными приятелями Н.И. впоследствии переписывался, бережно, до конца своих дней хранил самодельный радиоприемничек, подаренный ему одним из них.

Весной 1944 года, после освобождения, Н.И. мы с сыном приехали к нему в Болтинку, из Ярославской области, куда я была выслана, как «жена врага народа» в начале апреля 1942 года.

Н.И. удалось получить для себя и нас комнату в одном из бараков, в котором жили вольнонаемные Мостозавода.

Н.И. продолжал заниматься гидрологическими наблюдениями, но острой потребности в них не было, так как мост уже достраивался. В это время Архангельские друзья Н.И. начали хлопотать о разрешении ему жить в Архангельске. Такое разрешение было получено и в конце 1944 года мы все туда уехали. В Архангельске Н.И. занимал место сперва научного сотрудника, а затем директора Морской Обсерватории.

С этих пор начался последний этап жизни Н.И., посвященный руководству гидрографии (Архангельская Стационарная Академия Наук – старший научный сотрудник, декабрь 1946-декабрь 1947): работами, педагогической деятельности, научным изысканиям и трудам.

В плавания он уже больше не ходил, но читал о новых советских ледоколах, о дальних полярных экспедициях, вздыхал и подолгу молча задумывался.

В 1946 Н.И. и его Ленинградские друзья предприняли шаги, ведущие к его возвращению в Ленинград.

В 1947 году они добились успеха: Н.И. получил должность зав.кафедрой океанографии в Ленинградском Гидрометинституте и осенью того же года переехал в Ленинград. Весной 1948 года после окончания сыном «десятилетки» он и я тоже перебрались в Ленинград, хотя официального разрешения для этого я не получала после моей высылки в 1942 году. Но мне казалось, что по логике вещей мне должны разрешить жить вместе с мужем, поскольку лишь из-за него я подверглась высылке. Но логика нас подвела: осенью 1948 года Н.И. вновь пришлось иметь дело с НКВД. В одно «прекрасное» утро его туда вызвали и только поздно вечером, когда мы уже потеряли надежду на его благополучное возвращение он вернулся домой. В скупых словах рассказал, что ему предлагали стать «осведомителем», но он выдержал все натиски и отказался. На следующее утро за ним на легковой машине приехал агент НКВД и опять увез на Шпалерную. В этот раз Н.И. вернулся не так поздно и в более бодром настроении. «Кажется, окончательно отделался» - сказал он и добавил, обращаясь ко мне – «хотя они и припугнули, что в случае моего отказа стать доносчиком, они не дадут тебе разрешение

жить в Ленинграде, но ты этому не верь. Завтра же поеду в городскую милицию, подам заявление о твоей легальной прописке».

Через два или три месяца я получила официальное разрешение на проживание в Ленинграде и больше дел с НКВД мы не имели, пока.